

08.05.2015, 17:50 Москва

свой опыт

Репортаж со слезами на глазах с Болотной 6 мая

Среди задержанных 6 мая 2015 на Болотной площади был Эдуард Молчанов, участник Митинга гласности 1965 года и других протестных мероприятий — как в советское время, так и в нынешнее. ОВД-Инфо публикует его рассказ.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

По моему глубокому убеждению, с дурными законами необходимо бороться единственным способом — не соблюдать их. Просить у власти разрешения провести

массовый митинг или шествие, выражающие протест против власти, издающей дурные законы, и согласиться на пикет с плакатиками, оплевываемыми проходящими мимо «патриотами», — это позор, более того — и это главное — замораживание массового характера оппозиции к дурной власти. Власть, учуяв слабинку, порожденную отсутствием мужества и стойкости, отбросила оппозицию на задворки не только города, но и времени, и в результате ее протест не возрастает, а ослабевает. А нужно просто, пользуясь Конституцией, оповещать власть о предстоящем марше или митинге и призвать выйти на улицы вне зависимости, как к этому относится сама власть. Вспомните конец 80-х. Вначале выходили десятки, жертвующие свободой, потом сотни, тысячи, десятки тысяч и в конце миллион на Садовом кольце. Массы сломали хребет советской власти, массы остановили танки на Садовом кольце, массы готовы были взять в руки заготовленное оружие, чтобы защитить отвоєванное.

С этими мыслями мы с Игорем Царьковым приближались к Болотной площади, игнорируя жалкий пикет, оскорбляющий наше политическое достоинство. Впереди, оглядываясь во все стороны, медленно шла старушка. «Вы что ищете?» — «Где тут Болотная площадь?» — «А вам зачем?» — «Хочу помолиться за заключенных». Я не мог удержать слез. Она шла к людям помолиться. Может быть, ее внуки оказались за колючей проволокой, и она принимала скопление людей за молебен, полагая, среди многих ее молитва быстрее достигнет ушей Бога. «Бабушка, вы не оглядывайтесь на те купола за кремлевской стеной, они осквернены, вон молитесь на купола на Софийской набережной». Мы пошли дальше. Да что такое, опять старушка, маленькая, сгорбленная, морщинистая, ну, прямо грибочек, а седые волосы перехвачены желто-голубой лентой. «Иду со всеми, чтобы кровь не лилась». Я не стал спрашивать,

не выдержал бы, разревелся. Может, ее внуками Путин играет в солдатики на Украине.

Площадь заставлена автобусами, новенькими, чтобы пяди не осталось для протестантов. Тут же дежурят автозаки, готовые к утрамбовыванию своих внутренностей.

На пяточке против мостика влюбленных понемногу собираются люди, все больше пожилые. Но пока их меньше, чем ментов и омоновцев. Встречаем знакомых или знакомимся. Вот одинокий, должно быть, татарин, стоит в сторонке. Знакомимся. Ведь здесь все свои, одной крови. Оказывается, специально прилетел на митинг (заметьте, не на пикет) с Екатеринбурга. Оля Кашкарова потом рассказала, что его задержали, ночью отпустили, он тут же улетел в свой город и утром вышел на работу (она с ним созвонилась). Сергей, под 80, ходит, вибрируя — знаете, такая старческая тряска.

Из шестидесятников. Не пропустил ни одного митинга. Приходим с ним к общему философическому заключению: мол, в России все течет, и ничего не меняется. Саша, обвешанный фотоаппаратами, старый знакомый. Говорит, если все заснятые им снимки и видео сложить в один ряд, то ими можно обмотать экватор, но эта его работа напоминает ему сизифов труд. Я задумался и пришел к выводу, что это тоже философическое заключение.

Мы с Игорем, обвешанные белыми лентами, словно священные древа, передвигаемся от кучки к кучке. Все больше молодежи. Забегали менты, обеспокоенные равенством сил. Вот с мостика спускаются толпы, сбжавшие с блок-поста пикета. Равновесие нарушается. Похоже, полиция выходит на тропу войны. Замелькали томагавки, слышны боевые кличи рупоров: «Граждане, расходитесь, митинг не санкционирован», — и дальше рефреном. Народ безмолвствует. Никто не сдвинулся с места. Засуетились репортеры. В информационный век их становится всё больше. Скоро они заселят всю планету. Интересно, кого они тогда будут снимать?! Впрочем,

я их понимаю, сам был таким суетливым, не помню, на кого работал: то ли на Южно-Африканский Союз, то ли на Альфа-Центавру. Мы с Игорем успели дать интервью «Рейтеру»: если они успели снять момент, когда нас упаковывали в автозак, сюжет, можно сказать, удался, и гонорар обеспечен. Нас с Игорем будут созерцать в Южно-Африканском Союзе и на Альфа-Центавре, поскольку в России радиоволны заглушаются шумом патриотических березок. И вообще, к слову пришлось, шум отечества нам сладок и приятен.

Фото: Мария Орловская

Наконец, омоновцы перекрыли истекающий людьми мостик, а менты занялись огородным делом: выдергивали людей, как репку, и складывали в решетчатые корзины на колесах. Я никак не мог понять, каким принципом они руководствуются, выхватывая людей из толпы. «Вон того в белой рубашке!» — слышу микрофонный голос. Смотрю, стоит парень, спокойно наблюдает за охотой на ведьм, ленточек на нем нет. Подбежали четверо и поволокли, за парнем следует дорожка, оставляемая граблями его ног. Понял — белая рубашка, запретный цвет. «Позор, позор!» — это боевой клич с противоположной стороны, увы, безоружной. Удивляет жестокость, с которой выхватывают людей. Вот ухватили Сергея и поволокли в автозак. Молюсь, чтобы его не прихватил инфаркт по дороге. Вон догоняют подростка. Догнали. Мало тренировался малый. С размаху швырнули в гостеприимно распахнутую дверь автозака. Вокруг бегают общественные счетчики, считают, скольких упаковали. Упакованные автозаки отъезжают, подкатывают новые. Я тоже считаю — около сорока. Но сбиваюсь со счета — не успеваю вертеть головой, чтобы охватить всю панораму срежиссированного театрального действия. Вижу кучку репортеров вокруг Льва Пономарева. Его не хватают — авторитет, много

ненужного шума накануне театрализованных торжеств по поводу взятия штурмом то ли Берлина, то ли Дебальцево. Мы с Игорем ждем своей очереди, отодвинув подальше Олю Кашкарову от наших украшенных опасным цветом фигур (у Оли больные руки). Репортеры тоже понимают, что подходит наша очередь, и сосредотачиваются вокруг в готовности. И точно, пришел и наш черед. Но, видя, что я с клюшкой, поддерживаемый под руку заботливым Игорем, вежливо предлагают пройти. Я усиленно хромаю, навалившись беспомощно на Игоря, демонстрируя телеоператорам безжалостность системы. Тоже театральное действие. Сопровождаемые полицейским эскортом оказываемся перед ступеньками дверей автозака. Ага, тут тоже можно продолжить роль. Мои ноги теряют способность сгибаться в коленях и никак не могут нащупать, куда ступить. Мне угодливо помогают люди в черном. Оказавшись в салоне, я вновь приобретаю способность нормально передвигаться.

Фото: Елена Глушко

Ба, знакомые все лица: Елена Глушко, Оля Мазурова, Оля Трусевич, Нина Фальковская. Учителя, медики, гуманитарии, одним словом — пятая колонна. У всех смартфоны и ноутбуки. Нас бурно приветствуют, снимают и тут же передают информацию в Белый дом Обаме: мол, гони деньги на выкуп плененных. Знакомимся с незнакомыми. Среди нас член-корр Академии наук с другого города (не буду называть его имя и название города, а то по возвращению домой он обнаружит, что со вчерашнего дня добровольно уволен в звании младшего научного сотрудника). Ввели человека, сразу вызвавшего подозрение, — вот оно, профессиональное чутье. «А вот и провокатор!» — голос из салона. — «Я провокатор? Докажите!» Почуввав неладное, попросился назад, уверяя, что журналист, и демонстрируя какую-то карточку, никак

не похожую на удостоверение журналиста, уж в этом я разбираюсь. Его вывели. Теперь здесь все свои, не считая ментов в кабине, откуда доносился мат — обычная лексика патриотов. Женщины стали орать на них, требуя пользоваться менее украшенной лексикой, и чтобы не слышать ее, запели. И так с песней покатали по Москве в поисках свободного приюта для нас, так как все ОВД были переполнены. Как все знакомо по 80-м годам, когда мы с Игорем и нашими единомышленниками совершали многократные автозаковские экскурсии по Москве, которые заканчивались 15-20-суточным отдыхом в «пансионате» «Березки» (так мы нарекли это гостеприимное заведение), где мы отказывались от его изысканной кулинарии, предпочитая медицинское голодание ради похудения.

Место для нас нашлось в Красносельском ОВД. Женщины тут же вынудили командира взвода извиниться за мат. И тот, извиняясь, объяснил свою языковую несдержанность стрессовой ситуацией при его работе. Ему рекомендовали сменить работу, где бы он мог общаться с людьми на чистом русском языке. Надо сказать, что женщины — а их было большинство в нашем автозаке — не упускали любую возможность подловить ментов в их правовом невежестве и тут же хором набрасывались на них, от чего я испытывал колоссальное удовольствие, каждый раз разражаясь смехом.

Мы с Игорем прекрасно понимали, что сажать нас не будут — зачем давать повод накануне торжеств иностранным журналюкам лишний раз клеветать на демократичную Россию? Перед нами разложили какие-то бланки и попросили написать объяснения нашего преступного поведения, после чего сразу же отпустят. Игорь поднялся и громогласно потребовал от них извинений за неправоправное задержание и убрать охрану от выхода, в противном случае мы прекращаем с ними всякое формальное общение. Я добавил, что в свою

очередь требую от них письменного объяснения за их правонарушительные действия. Мы не прерывали связь с внешним миром, передавая приветы друг другу. Самое приятное было от Бори Беленкина из Мемориала: «Вот, суки, и тебя взяли». Саша Черкасов, который тщательно следил за процессом, рьяно подбадривал нас. Тимоша, мой внук, сожалел, что он не с дедушкой, а дедушка радовался, что он здесь не со мной. Таня Кудрявцева тоже пожелала быть вместе с нами. Понимаю, сколько бы типов в черном с номерными бляхами могли бы появиться в фейсбуке.

Для меня было новостью, что теперь протоколы мы должны были писать сами на себя (объяснения), подтверждая данные предъявленными паспортами. Новые времена, новые песни. Прежде протоколы оформляли сами милиционеры, требуя подписать любую ахинею, которую они туда вносили. Мы никогда их не подписывали и не предъявляли паспорта, а обыскивать они не имели права до суда, хотя знали каждого из нас наизусть. Помню, как они однажды вышли из положения: взяли меня за ноги, подняли и трясли до тех пор, пока не вывалился паспорт. С тех пор я застегиваю карманы.

Женщин, заполнивших анкеты, тем не менее не отпускали, как было обещано. Подозреваю, издеваясь, удерживая до тех пор, пока остановится транспорт, а там как хотите, хоть ночуйте на улице. Одна девушка, имени не знаю, умоляла отпустить ее, она живет за городом, а последний автобус отправляется в полпервого ночи. Не снизошли. Ей стало плохо, вызвали «скорую». Как стало известно позже, ее рвало, и она потеряла сознание. Может, была в положении. Отпустили только член-корра — у него билет на самолет. Он попрощался, оставив нам с Игорем визитки. Положение смешное. По протоколу в милиции должны были вести разъяснительные беседы с нами. Получилось наоборот. Вели разъяснительные беседы с ними. И надо сказать, довольно умно-убедительные —

все-таки высшее образование. Полицейские выглядели жалко-беспомощными. Переключили внимание на нас, угрожая оставить нас на трое суток, снять отпечатки пальцев для опознания и пр., а мы их крыли юриспруденцией. Милые женщины, вполне разделяя нашу позицию, были обеспокоены нашей судьбой. Не решаясь уговаривать нас, обратились за помощью к внешнему миру. Ко мне обратился Лев Пономарев, предлагая снизойти, ведь на свободе мы капля за каплей преодолеем их. Я понимаю позицию Льва, по-человечески ему жаль нас — свои ведь, кровные, — но согласиться с ним не мог, как мы не соглашались с ним в 80-е, с лозунгом «Вся власть Советам!», в то время как мы ратовали за разделительную структуру власти. Он пожелал нам с Игорем сохранить себя для борьбы. Наконец к нам прорвался адвокат, Виталий, опять же преодолев барьер правового невежества. Он не мог не согласиться с нашим непреклонным принципом поведения. И в требовании к полицейским освободить нас ссылался на закон, дышло которого те повернули в свою сторону. Они долго вращали его, пока Виталий не вышел из терпения, и пригрозил им устроить общественный скандал, который превратит торжественный звон праздничных литавр в какофонию: как, мол, воспримут арест иностранные гости, приглашенные на торжества. Мы попросили Виталия увести женщин, из солидарности стерегущих нас у входа в ОВД, и попрощались с ним.

Эдуард Молчанов и Игорь Царьков в ОВД. Фото: Елена Глушко

Мы понимали, что социальные сети уже переполнены информацией о задержанных, что «Комитету 6 мая» уже известны их списки, кто в каком автозаке и в каком ОВД. Так что вычислить нас было не трудно. И полицейские этим занялись, пока мы с Игорем мирно беседовали, завидуя нынешнему поколению, обладающему такими средствами информации, не то что в наше время, когда

мы вынуждены были расклевать листовки по всему городу, призывая прийти на митинг. Наконец, они вычислили Игоря и сверили со своей базой данных. Пригласили каких-то узбеков в качестве понятых подписать составленный ими протокол и обратились к Игорю: «Вы свободны! Можете идти!» Игорь обхватил меня за плечи и сказал, что он не уйдет отсюда, что они могут вынести его только на руках, если им удастся оторвать его от Молчанова. Полицейские молча приняли это к сведению и вновь склонились над компьютером. Я понимал их затруднения, сочувствовал им — обо мне в сетях столько противоречивой информации, которая не может совпасть с базой данных. В одной только Википедии неверно указаны мой день рождения, место рождения и места проявления моих многочисленных профессий, а в других сетевых источниках и того хуже. Выковыряли из интернета мое фото. «Это вы?» — «Нет, не я. Здесь изображен русский, а я чукча». Зашел начальник ОВД и сказал: «Хватит возиться, кончайте с ним!» Довольно двусмысленная фраза: то ли казнить, то ли на все четыре стороны. Подозвали узбеков, те на чем-то расписались, и мы, прихватив тяжелейшие пакеты с продуктами, которые доставила в ОВД группа поддержки, вышли за ворота, пожелав полицейским спокойной ночи. Москва спала, грезя демократическими снами. Мы поджидали заказанное такси, как вдруг прямо у ворот остановился шикарный черный автомобиль. Из него вышел молодой человек и три девицы. Я, предполагая, что это наши, подошел к ним и спросил: «Вы с Болотной?» Меня не поняли, и после короткого объяснения молодой человек объявил: «Я патриот!» — и брезгливо отошел. Игорь взял меня под локоть: «Ты что, не понял, это ведь дядька-мамка привез ментам проституток на субботник». — «Какой субботник ночью?» — «Сам догадайся». Я подумал и догадался. Отстал я в понимании современного сленга.

Такси увезло нас к Игорю. Мы чувствовали себя свободными в несвободной стране.

Оригинал

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Болотная площадь, три года

5 18